

Сетевой мир рухнул в одночасье.

Заголовок «Платформа Синьйю подозревается в массовой продаже конфиденциальных данных пользователей» разлетелся по всем социальным сетям с геометрической прогрессией, словно вирус. Всего за несколько часов скандал в технологическом секторе перерос в общественный резонанс, охваченный гневом всей страны.

Акции платформы Синьйю рухнули, едва не достигнув уровня приостановки торгов, а имя Чэн Юйжоу, главного руководителя проекта, было пригвождено к позорному столбу как разъяренными пользователями интернета, так и сухими официальными сводками.

Ее отстранили от всех должностей в ожидании двойного расследования — внутреннего и полицейского.

— Бах!

Изящный хрустальный бокал с грохотом разлетелся вдребезги о гладкий мраморный пол.

Чэн Юйжоу с растрепанными волосами и воспаленными глазами впиалась взглядом в мужчину в строгом костюме, стоявшего перед ней с ледяным лицом. Это был ее муж, директор юридического департамента корпорации Синьяо — Ли Хэ.

— Что это значит? Ты мне не веришь? — ее голос сорвался на визг, полный отчаянной истерики. — Я не сливала эту информацию! Это кто-то подставил меня!

Ли Хэ смотрел на нее сверху вниз, и уголки его губ дрогнули в холодной усмешке:

— Верить тебе? Чэн Юйжоу, ты до сих пор спрашиваешь, верю ли я тебе?

Он медленно наклонился и прошептал ей на ухо голосом, тихим, словно шепот дьявола:

— Ты даже собственную первую любовь умудрилась продать подороже, с чего бы мне теперь тебе доверять?

Эти слова, словно ржавый нож, вонзились прямо в сердце Чэн Юйжоу и провернулись там с жестокой силой.

Ее затрясло, весь гнев и истерика мгновенно застыли на лице, уступив место бесконечному холоду и страху.

Он знал!

Он знал об этом с самого начала!

Тайна, которую она старалась забыть и глубоко запрятала в душе — тот грех, который она оправдывала для себя юношеской глупостью, — все это время висела над ней дамокловым мечом.

Той ночью разразился ливень.

Камеры наблюдения жилого комплекса бесстрастно зафиксировали все происходящее.

Некогда блистательная госпожа Чэн, словно безумная, не обращая внимания на ледяные потоки воды, промокшая до нитки, стояла на коленях у зловонного мусорного бака и лихорадочно рылась в скользких отходах.

Ее ногти были сломаны, дорогое платье испачкано грязью, а губы без конца шептали:

— Флешка... моя флешка... она должна быть здесь...

Она была уверена, что все продумала до мелочей. Флешка с оригинальными копиями была ее последним оберегом и одновременно — ее смертным приговором.

Но теперь она исчезла.

В кофейне на углу было тепло.

Су Линь через стекло, омываемое дождем, молча наблюдал за этим жалким спектаклем одного актера.

Он не спеша поднес к губам латте и слегка сдул пар с поверхности напитка. Его движения были так элегантны, словно он наслаждался постановкой в театре.

Чжоу Ю проследила за его взглядом. Она посмотрела на Су Линя: его профиль в мягком желтом свете казался четко очерченным, но в нем не было ни капли тепла.

— Линь, в последнее время ты слишком спокоен, — тихо сказала она. — Ты спокоен не как человек, вершащий месть, а как тот, кто исполняет заранее написанную программу.

Су Линь повернул голову, и на его лице наконец появилась слабая улыбка, которая, впрочем, не дошла до глаз:

— Программу? Возможно. Месть — это блюдо, которое легко пережарить на сильном огне, а на

медленном — оно может потерять вкус.

Он достал из кармана сложенный листок бумаги и пододвинул его к Чжоу Ю:

— Узнай, пожалуйста, где похоронена мать прежнего владельца этого тела.

Чжоу Ю в недоумении развернула листок. Там был указан только адрес: пригород, кладбище Циншань.

Она на мгновение замерла:

— Ты хочешь пойти на поминки? Но ты ведь никогда не верил в подобную чепуху...

Су Линь снова посмотрел в окно на прохожих, спешащих сквозь дождь. Его голос был таким тихим, что почти тонул в шуме ливня:

— Я иду туда не ради ритуала.

Он помолчал, словно обращаясь к кому-то другому:

— Я иду сказать ей, что ее ребенка наконец-то защитили.

В канун праздника Цинмин моросил мелкий дождь.

Су Линь в одиночестве пришел на кладбище Циншань. Держа в руках черный зонт, он прошел между рядами могил и остановился перед скромным надгробием.

Женщина на фотографии улыбалась нежно, и в чертах ее лица можно было уловить отголоски его собственного прошлого.

Он присел на корточки, положил букет и зажег стопку погребальных денег.

Оранжевые языки пламени жадно плясали во влажном воздухе, освещая половину его лица, в то время как другая оставалась в глубокой тени, словно две разные души встретились в этот момент.

Он достал из-за пазухи слегка пожелтевшее письмо — то самое, которое прежний владелец так и не решился отправить.

— Мама, у меня все хорошо, просто я немного скучаю по тебе...

Его низкий голос читал каждое слово из письма: от давления учебы и боли от изоляции до растерянности и страха перед будущим.

Каждое слово было для него как еще один удар по той унижительной жизни, что осталась позади.

Дочитав последнее слово, он бросил письмо в огонь.

Бумага мгновенно свернулась, почернела и превратилась в тонкую струйку дыма, которая растворилась в дожде.

— Мама... прости, что я опоздал.

Произнося это, он обращался не к холодному надгробию, а к той робкой, терпеливой и безмолвно сносившей все унижения юношеской душе, что когда-то жила в этом теле.

С сегодняшнего дня — ты покоишься с миром, а я возрождаюсь.

На обратном пути, у автобусной остановки, дождь начал стихать.

Су Линь прислонился к влажным металлическим перилам, когда его телефон внезапно завибрировал.

Звонок с неизвестного номера.

Он ответил. На том конце послышался хриплый, дрожащий голос Чэн Юйжоу, переходящий в рыдания:

— Я знаю, это ты! Су Линь! Это точно твоих рук дело! Умоляю... прошу, удали эту информацию... Я дам тебе денег! Миллион! Нет, пять миллионов! Просто назови свою цену!

Су Линь молчал, просто слушая.

Звук дождя, барабнящего по крыше остановки, сплетался с мольбами женщины в трубке, создавая абсурдную симфонию.

Только когда голос Чэн Юйжоу сорвался от истерики, он наконец спокойно ответил:

— Скажи, когда ты и твои друзья снимали меня тогда, вы хоть на секунду задумывались о том, что я тоже хочу жить?

На том конце воцарилась гробовая тишина.

Су Линь не дал ей больше ни шанса, просто сбросил вызов, добавил номер в черный список и шагнул в усиливающийся дождь.

Позади него на огромном рекламном экране автобусной остановки как раз зажглась заставка второго сезона сериала Правила дублера.

Под торжественную музыку отчетливо прозвучала реплика главного героя: Некоторые раны никогда не исчезают, но они могут стать оружием.

В тот же вечер официальный аккаунт городского управления полиции опубликовал заявление: в отношении бывшего руководителя проектов платформы Синьюй, гражданки Чэн, возбуждено уголовное дело по подозрению в незаконном получении личных данных граждан.

Как только новость разлетелась, в сети началось ликование.

А Су Линь, находясь в центре этого шторма, просто открыл черновик сценария финального сезона Правил дублера.

Он нашел ключевую главу, посвященную мести главной героини, и в самом конце добавил закадровый текст:

[Героиня стоит у окна, глядя, как на преступника надевают наручники. На ее лице нет радости от мести, лишь спокойствие, словно все наконец встало на свои места.]

[Закадровый голос: Я пришла сюда не для того, чтобы простить тебя. Я пришла, чтобы весь мир узнал, что ты натворила.]

Он закрыл документ, глубоко вздохнул и посмотрел в окно.

Огни города по-прежнему сияли, а вдалеке, словно молчаливый гигант, возвышалось здание корпорации Синьяо.

А его имя уже без лишнего шума появилось в списках приоритетных партнеров трех ведущих инвестиционных фондов в сфере кино и телевидения.

Месть — это был только первый шаг. Он хотел забрать все, чем они когда-то владели.

В этот момент экран телефона загорелся, и всплыло системное уведомление:

[Пользователь «Сестрица Линь Вань», на которого вы подписаны, только что появился в сети.]

Взгляд Су Линя слегка сфокусировался. Аватар, который был заблокирован так давно и который был единственным лучиком тепла в сердце прежнего владельца, тихо светился в списке.

Он не успел ничего предпринять, как пришло другое зашифрованное сообщение от неизвестного отправителя. В нем была всего одна короткая фраза, но она несла в себе не терпящую возражений властность:

— Капитал Юньци, завтра в десять утра, финальная партия. Ждем вас за столом.

<http://bllate.org/book/18752/1814625>